

объективации деятельности делает возможным для психологии осуществить объективное изучение человеческой психики (ibid., p. 18, 20).

Основополагающим в заключении Рубинштейна о природе сознания является то, что, во-первых, оно имеет социальный характер, и, во-вторых, характер исторический. В отношении первого Рубинштейн подчеркивает, что сознание проявляется в социальном и посредством социального, в совместной деятельности людей, а именно через процесс труда. Относительно исторического характера психики Рубинштейн упоминает эволюционную точку зрения Спенсера по этому вопросу, однако в то время он не проявлял большого интереса к французской социологической традиции, представленной прежде всего именем Дюркгейма, к которому он чаще обращается в своих поздних работах. Причиной интереса к трудам Спенсера является то, что сторонники его направления мысли, как и Рубинштейн, подчеркивали исторический и более того – социальный характер сознания человека, утверждали, что сознание всегда является интернализацией социальных норм и идеологий. Тем не менее Рубинштейн критикует данную традицию на основании того, что она не принимает в качестве своего исходного положения конкретную связь между индивидом и культурой. В основном человеческая деятельность, или *praxis*^{*}, не представляла какую-либо значимость для французских социологов. Для Рубинштейна, напротив, было важно изучить взаимосвязь между сознанием индивида и общественной идеологией как опосредованной категорией, где социальные концепты опосредуются через деятельность индивида.

Таким образом, цель Рубинштейна состояла в том, чтобы дать психологии новое методологическое и концептуальное основание. «Традиционная» психология, то есть интроспекционизм и бихевиоризм, так же как и *Geisteswissenschaftliche-psychologie*, основывались на ложном представлении о сознании, и это являлось частью их картезианского наследия. Согласно Рубинштейну, научно и философски обоснованное представление о сознании можно найти только в теориях Маркса и в работах Ленина. Согласно им сознание можно рассматривать в качестве опосредующей инстанции в деятельности человека, преобразующей объективную реальность в субъективное отражение и направляющей активность как экстернализацию сознания. Новая психология, которая находит выход из кризиса, должна, следовательно, создаваться, по мысли Рубинштейна, на теоретических основах учения К. Маркса.

ЛИТЕРАТУРА

- Buhler K. Die Krise der Psychologie. Stuttgart: Gustav Fischer Verlag, 1929.
Rubinstejn S. L. Probleme der Allgenteinen Psychologies. Berlin: V. E. V. Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1979.

* Труд, практика (в отличие от теории).

О КНИГЕ ТОМАСА ПЕЙНА «С. Л. РУБИНШТЕЙН И ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ»

С. С. Кургинян

В данном издании впервые публикуются в русском переводе отдельные главы из фундаментального труда швейцарского психолога Томаса Пейна, посвященного детальному и глубокому исследованию концепции Сергея Леонидовича Рубинштейна. Обращает на себя внимание дата издания труда – 1968 год, свидетельствующая о пристальном внимании автора к состоянию отечественной психологии и роли в ней творчества Рубинштейна. Книга Пейна увидела свет вскоре (всего через 8 лет) после кончины Рубинштейна, тогда как оставшийся в рукописях труд самого Рубинштейна «Человек и мир» был опубликован только через 13 лет. Чрезвычайно важно также и то, что Пейн, анализируя и оценивая концепцию Рубинштейна, осуществляет ее интерпретацию в контексте тогдашнего состояния советской психологии и соотносительно с ним, с происходившими в пятидесятые годы событиями и с ее историческими традициями, что свидетельствует об объективности его исследования, основанного на реальном знании.

Можно высказать лишь сожаление по поводу того, что из-за сохранявшейся в отечественной философии и науке идеологической атмосферы не был возможен ни своевременный перевод этого труда, ни даже ответный письменный отклик на него.

Труд Т. Пейна представляет ценность также и потому, что, за исключением Германии (в которой труды Рубинштейна появлялись в немецком переводе через год после издания в СССР и некоторых бывших социалистических странах: Чехословакии, Польше, Венгрии), сущность его многогранной концепции (и, соответственно, его труды) в основном осталась неизвестной западноевропейской психологии (хотя Рубинштейн переписывался с Пиаже, Жане и некоторыми другими психологами, а также был приглашен на международный Конгресс по психологии в Монреале).

Лишь недавно этот огромный пробел был восполнен французским изданием переводов избранных работ С. Л. Рубинштейна (составитель

последнего – К. А. Абульханова, отв. редакторы и издатели – В. Н. Носуленко и П. Робардель), которое происходило одновременно с конференцией, посвященной проблеме деятельности, ее исследованию российскими психологами и С. Л. Рубинштейном в особенности (см. об этом подробнее: Rubinstein aǰourd'hui..., 2007; Носуленко, 2008; Сергей Леонидович Рубинштейн, 2010).

Научное наследие Рубинштейна имело своим результатом распространение фундаментальных философских идей конца XIX–начала XX веков на становление и развитие отечественной психологической мысли. Несомненной заслугой выдающегося ученого явилось утверждение мысли о том, что истинное понимание психологии невозможно без оценки философских принципов, на которых она основывается. Вероятно, именно это и послужило поводом как критики его теоретических воззрений, так и высокой оценки его метода, проблематика которого, как правило, разворачивалась вокруг того, являются ли чуждыми психологии философские вопросы и может ли психология полностью быть понята вне этих вопросов.

Как мыслитель и методолог психологии Рубинштейн интересовал умы не только отечественных исследователей. Особую значимость его фигура приобретала в свете анализа зарубежными учеными советского периода отечественной психологии. Наиболее детально подобный анализ представлен в работе швейцарского ученого Томаса Пейна, которая была задумана им как введение в изучение советской психологии.

Пейн неоднократно подчеркивал, что большинство западных авторов по советскому периоду психологии, например такие, как Брайн Симон, Нейл О'Коннер, Ральф Вин, Раймонд Бауэр, Йозеф Вортиц, несмотря на их систематические исследования, специально не касались философских вопросов (Bauer, 1952; O'Conner, 1961; Simon, 1957; Winn, 1961; Wortis, 1950). В действительности, как замечает Пейн, распространенным убеждением среди психологов на Западе является то, что философские проблемы лежат вне области профессионального психолога. Отсюда, по его мнению, во всех имеющихся западноевропейских исследованиях встречается повсеместное недооценивание и часто недопонимание философских аспектов советской психологии.

Выбор Пейном в качестве предмета рассмотрения научного наследия С. Л. Рубинштейна был связан, главным образом, с избранным им методом исследования: вместо того, чтобы пытаться дать общее описание философских аспектов советской психологической теории, изучить данные аспекты так, как они представлены в трудах одного конкретного ученого. Вместе с тем, понимая тот факт, что попытка представить подобное описание без предварительного изучения работ большинства советских авторов психологической теории, вероятно, приведет к множеству неоправданных обобщений, Пейн целенаправленно обращается к таким работам Рубинштейна, которые, по его мнению, охватывают большинство аспектов советской психологической теории и представ-

ляют оригинальность и всесторонность научной мысли. Отсюда четыре главы своей книги он посвящает анализу теоретических воззрений Рубинштейна на методологию психологии и пути ее развития.

В первых двух главах книги Пейна показан непростой путь исторического становления российской психологической мысли, который историками психологии – как отечественными, так и зарубежными – освещается неоднозначно. Неоднозначность эта в первую очередь является следствием исторических перипетий, связанных с окончанием эпохи русского империализма и вместе с ней – идеологии царизма, что, в свою очередь, не могло не сказаться на дальнейшем направлении деятельности видных отечественных мыслителей, теоретиков и ученых, чьи труды и работы в области философии, медицины и физиологии оказались определяющими в формировании ключевых направлений отечественной психологии. На формирование молодой науки психологии, несомненно, оказали влияние преобразования в общественно-политическом устройстве России конца XIX–начала XX веков. Многие российские ученые, известные западному научному сообществу своими фундаментальными исследованиями в психологии, оставшиеся трудиться в идеологических условиях господства марксистско-ленинской теории, автоматически были отнесены к ее последователям. В дальнейшем это обстоятельство предопределило способ изучения их трудов, основные результаты которых анализировались исключительно исходя из ключевых положений марксистско-ленинской концепции детерминизма либо в соотношении с ней.

Западные ученые, обращаясь к отечественным работам и признавая их значимость в развитии психологической мысли, проявляли двойственную позицию в их интерпретации. С одной стороны, их анализ отражал политизированное идеологическое содержание того или иного научного достижения, основанного на марксистско-ленинской теории детерминизма, с другой стороны, их интересовало диалектико-материалистическое понимание психических явлений. В этой связи Томас Пейн не был исключением. Свой анализ источников советской психологической теории он проводит в соотношении с марксистско-ленинской философией и теорией познания. Этот анализ подробно представлен в первой главе его работы на основании описания основных положений трудов видных отечественных ученых – таких как Иван Михайлович Сеченов (1829–1905), Владимир Михайлович Бехтерев (1857–1927), Иван Петрович Павлов (1849–1936). Учению Павлова Пейн уделяет особое внимание, как в первой, так и во второй главе своей книги, где представлен взгляд на развитие психологической теории в Советском Союзе начиная с 1917-го (механистический период) по 1950-й (павловский период) годы.

Научной мысли Рубинштейна и его методологическим идеям посвящены следующие четыре главы, одна из которых, третья, освещает его жизнь: школьное обучение и философское образование, научное

творчество и профессиональную деятельность, а также ученую деятельность, которую Пейн (не без основания) разделил на два периода: до и после Павловской сессии. Следует отдать должное тому, что Пейн крайне скрупулезно подошел к освещению событий жизни Сергея Леонидовича, что позволило ему приблизиться к пониманию того, как происходило становление мысли выдающегося ученого, его воззрений на методологию психологии и пути ее развития. Это представляется вполне оправданным, поскольку, как впоследствии отмечает Пейн, цель его работы заключалась в интерпретации мысли Рубинштейна, а не в представлении ее изложения своими словами в комментариях.

Мы не будем подробно останавливаться на освещенных в работе Пейна биографических сведениях о Рубинштейне, на не всегда простых и однозначных фактах его отношений с отечественным научным психологическим сообществом, представляющим то или иное направление в психологии советского периода. Свой интерес мы сосредоточим на тех ключевых положениях концепции Рубинштейна, которые в интерпретации Томаса Пейна заслуживают особого внимания. В первую очередь, интересна точка зрения автора о сближении западных методологических подходов к интерпретации *метода* Рубинштейна, и во-вторых – зачастую не всегда осознаваемая автором, в виду противоположных научно-методологических воззрений на природу психического, критика некоторых положений концепции Рубинштейна.

В представляемых в данном издании вниманию читателя отрывках Пейн предпринимает попытку истолковать, согласно замыслу своей работы, некоторые представления Рубинштейна на методологию психологии и пути ее развития. Стоит отдать должное автору за интерес к столь непростою предмету отечественной психологической науки – ее философским основаниям. Мы не вправе рассуждать на тему объективности собственных убеждений автора, поскольку он является представителем не только противоположной научной традиции, но и другого общества – западного, в котором преобладали идеологически окрашенные настроения по отношению к ученым, трудившимся в советский период. Используя метод интерпретации, выйти за пределы собственных научных убеждений и идеологических настроений не всегда представляется возможным. Тем не менее, работа Пейна интересна тем, что она на примере трудов отдельного ученого советского периода отражает ограниченность методологических представлений как на природу психических феноменов, так и на психологическую теорию деятельности. Это обстоятельство свидетельствует о перспективах для разработки нового направления – психологии деятельности и основанного на ней деятельностного подхода, представленной в мировой психологической науке советскими психологами*.

В заключении своей работы Томас Пейн неоднократно подчеркивает подлинное стремление советских ученых к *всестороннему* рассмотрению психологических феноменов, во всех их проявлениях и взаимосвязях, поиску подходов к их системному исследованию. В этой связи в своем анализе он выделяет другой немаловажный аспект отечественной психологической теории советского периода – значимость синтеза ее теоретико-методологических оснований и ведущих положений. Именно эту особенность Пейн наблюдает в трудах Сергея Леонидовича Рубинштейна: «Гениальность Рубинштейна заключалась в его способности осуществлять системное и более или менее целостное представление психологической теории в соответствии с официально принятыми принципами. В результате психологических и философских дискуссий в начале 1930-х годов, Рубинштейн разработал наиболее приемлемую и заслуживающую доверия формулировку советской психологической теории, основывающуюся на единстве сознания и деятельности. И несмотря на то, что после Павловской сессии его идеи на некоторое время утратили привилегированную позицию, которую они занимали в предшествующем десятилетии, его труд продолжал оказывать значимое влияние на формирование советской психологической теории. Пересмотренная Рубинштейном система психологии, так, как она представлена в „Бытии и сознании“ и „Принципах...“, явилась наиболее успешной попыткой осуществления синтеза павловской психологии и марксистско-ленинской психологии. Его понимание психического хотя и открыто для ряда возражений, является вполне убедительной попыткой согласования идеального качества познания с представлением о психическом в качестве продукта высшей нервной деятельности. Определенно, сила синтеза Рубинштейна, обусловленная его обширными знаниями философии и психологии, наделяет его работы ценностью, которая выходит за пределы ограничений марксистско-ленинской ортодоксальности» (Payne, 1968, p. 170).

Таким образом, Пейн в результате все-таки вышел из контекста идеологической изоляции психологической теории выдающегося отечественного ученого, ограничивающей фундаментальные представления на природу психических феноменов марксистско-ленинской философией. Главным, что узрел Пейн в суждениях Рубинштейна, являлась диалектико-материалистическая основа его объяснения психического и природы психического. На что немного позже, в 1989 году, на европейской конференции в своем докладе «Советская психология, Рубинштейн и международный кризис психологии» указал другой швейцарский ученый, психолог Ларс-Кристер Хайден, а именно – на предложение Рубинштейна пересмотреть концептуальную систему психологии на основе «диалектического материализма», поскольку

* В психологическом словаре Американской психологической ассоциации (APA), в статье «теория деятельности», в первой ее части, имеется указание

на нее как на научное направление, в основном разрабатываемое советскими психологами (APA Dictionary of Psychology, 2007, p. 15).

сам он, согласно Хайдену, придерживался материалистического понимания психики (Hyden, 1989, p. 12).

ЛИТЕРАТУРА

- Носуленко В. Н. Антология «Рубинштейн сегодня» – результат совместных исследований российских и французских ученых // Психологический журнал. Т. 29. № 2. 2008. С.130–133.
- Сергей Леонидович Рубинштейн / Под ред. К. А. Абульхановой. М., 2010.
- APA Dictionary of Psychology / Gary R. VandenBos (Ed.). Washington: American Psychological Association, 2007.
- Bauer R. Some Views on Soviet Psychology // The New Man in Soviet Psychology. Cambridge: Harvard University Press, 1952.
- Hydén L. C. Soviet Psychology, Rubinstein and the International Crisis of Psychology // Paper presented to The Eight Annual Conference of Cheiron-Europe, 1989.
- O’Conner N. Recent Soviet Psychology. N. Y.: Philosophical Library, 1961.
- Rubinstein aujourd’hui. Nouvelles figures de l’activité humaine / Nosulenko V., Rabardel P. (Eds). Toulouse–Paris: Octarés de la Maison des Sciences de l’Homme, 2007.
- Simon B. Psychology in Soviet Union. London: Routledge & Kegan Paul, 1957.
- Winn R. Soviet Psychology: A Symposium. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1961.
- Wortis J. Soviet Psychiatry. N. Y.: The Williams and Wilkins Company, 1950.

С. Л. РУБИНШТЕЙН И ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Т. Р. Пейн

Реконструкция психологии: новый концепт психического

Первым эффектом реконструкции психологии на основе марксистско-ленинской философии является появление нового концепта сознания и, вместе с этим, нового концепта человеческой активности*. Основная ошибка традиционной идеалистической философии заключалась в изоляции сознания от материальной реальности – его отчуждения: «Основной порок старой идеалистической психологии сознания, исходящей из идеалистической философии, заключается в том, что представители ее были – пользуясь красочным выражением И. М. Сеченова – „обособителями психического“» (цит. по: Рубинштейн, 1945, с. 148). Идеалистическая философия завещала психологии неправильное представление о природе психического. Психическое представлялось как несоотносящееся с материальным миром и человеческой активностью, становясь просто механистическим поведением.†

* Публикуется по изданию: Payne T. R. S. L. Rubinstejn and the philosophical foundations of soviet psychology. Dordrecht-Holland: D. Reidel; N. Y.: Humanities Press, 1968. Главы 4 и 5 (с. 84–152). Перевод и комментарии С. С. Кургияна.

† Следует отметить, что Пейн использует понятие «активность» (англ. «activity») наряду с понятием «деятельность». Это свойственно англоязычной традиции, где «активность» употребляется как в широком смысле и подразумевает деятельность, так и в узком – в качестве отдельных концептов поведения или ментальных состояний. Здесь необходимо заметить, что деятельность в широком смысле в западной психологической традиции рассматривалась в контексте поведения человека как проявление работы каких-либо органов и связанных с ними психических функций. Попытки Пейна при интерпретации концепта «деятельности» и далее «принципа единства сознания и деятельности» преодолеть бихевиористскую ограниченность в понимании феноменов психической жизни человека через поведение или в соотношении с ним, оказались не адекватными методологическим положениям теории деятельности С. Л. Рубинштейна. – Прим. пер.